

цах» с одним единственным отличием. Если в начале XII века новгородцы чаяли небесного заступничества Богородицы, то в случае с вологодским иноком подобная история приобретает патриархальный характер, а сами «белоризцы» выступают легендарными историческими персонажами, в отличие от сновиденческого образа Богородицы, которая своим покровом защитила Новгород от захватчиков. Так в XV веке был отредактирован знаменитый миф о «знамени», хотя надо отдать должное, что даже в наше время его пересказы более напоминают раннюю версию, нежели ее позднемосковскую редакцию.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «„Материнский” Новгород и «отцовская» Москва: драма софийного и имперского начал в русской ментальности», № 16–13–53001.

Список литературы

1. Вологда в минувшем тысячелетии: очерки истории города. – Вологда: Древности Севера, 2004. – С. 36–38.
2. Духовная грамота (вторая) великого князя Дмитрия Ивановича (1389 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DG/dmi_2.htm. (дата обращения 11.02.17).
3. Житие Дмитрия Прилуцкого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/pri/lut/sky/index.htm>. (дата обращения 21.01.17).
4. История православных храмов и монастырей Вологды /гл. ред. А.Камкин. – Вологда: Древности Севера, – 2014. – С.25.
5. Колесников П. Вологда в политических планах Московского княжества // Россия на путях централизации. – М., 1982. – С. 160–166.
6. Предание о белоризцах // Вологодские губернские ведомости. – 1840. – № 33. – С.257–258.
7. Русские святые. URL: <http://www.saints.ru/d/Dmitrij-Priluz.html>. (дата обращения 21.01.17).

К ПРОБЛЕМЕ СОФИЙНОЙ СТРАТЕГИИ КОЛОНИЗАЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА

Некита А.Г., Маленко С.А., Кульпина П.В.

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород,
e-mail: beresten@mail.ru*

Как известно, средневековый Новгород активно осваивал огромные природные пространства Севера будущего Российского государства. Новгородская колонизация этих территорий означала широкую экспансию республиканско-теократического образа жизни, который способствовал «софиизации» модели управления этими землями. Идеологема патроната Святой Софии над Новгородом и Новгородской землей не только сублимировала языческую мифологию «Матери-Сырой Земли», но и своеобразно перетолковала в богородичном культе патриархальные православные догматы. Фактически София, как Мудрость, являлась одним из имен Иисуса Христа, но в Новгороде божественная духовность изначально понималась как неотъемлемое качество материнского и женского начал, которые проецировались на Небо. На земле же реализовывалась воля Софии, а ее основным проводником

выступал новгородский архиепископ как самый достойный гражданин. Именно Новгородская София является средоточием божественной мудрости, упорядочивающей все прилегающие пространства, а эта ментальная установка успешно реализуется в принципах их новгородского освоения. Поэтому, опираясь на летописные источники, можно заключить, что основание монастыря, в том или ином месте колонизируемых Северных земель, является историческим событием, от которого начинается отсчет существования нового поселения. Здесь можно приводить бесчисленное количество примеров. Взять хотя бы Вологодчину – край, активно развивавшийся под влиянием новгородской духовной, культурной и торговой экспансии.

Общепринятой датой основания Вологды считается 1147 год. Но вологодские археологи А.Н.Башенькин и И.П.Кукушкин отмечают, что ни в одной древнерусской летописи 1147 год в таком качестве не упоминается, а первое достоверное свидетельство о городе в письменных источниках относится к 1264 году. Город обозначается в dokonчаниях Новгорода с великим князем как волость наряду с перечнем других владений Новгорода. А уже к 1273 году Вологда упоминается в связи с нападением тверского князя Святослава Ярославича на новгородские земли [1]. Из этих фактов следует, что уже самые первые подлинные источники о Вологде позволяют нам определить принадлежность, и даже определенную степень зависимости от Новгородской республики, что будет играть немалую роль на протяжении всего ее исторического развития.

Отдельно следует пояснить и дату, избранную в качестве года основания города. Так, именно 1147 год взят из источника XVII века под названием «Чудеса и деяния и преславные новоявленная творения преподобного и приснопамятного Отца нашего Герасима». В нем сообщается: «Лета 6655 (1147) Августа в 19 день, на память святого мученика Андрея Стратилата, прииде Преподобный отец Герасим от богоспасаемого града Киева, Глушенского монастыря постриженник, к Вологде реке, ещё до зачала града Вологды, на великий лес, на средний посад Воскресения Христова Ленивыя площадки малаго Торжку, и создал пречестень монастырь во славу Пресвятыя Троицы, от реки Вологды расстоянием на полпоприща» [4]. Автор повествования, никому не известный агиограф Фома, добросовестно выполнил указание архиепископа Маркела и, несмотря на почти полное отсутствие информации, сумел-таки создать мученический образ первого вологодского Чудотворца [7]. Таким образом, именно от основания Троицкого монастыря Преподобным Герасимом и ведется отсчет основания города. Кроме того, в народе Герасим почитается как вологодский святой, чудотворец и защитник земли вологодской.

Однако вологодские краеведы отмечают, что сам факт прихода Герасима на Вологду в XII веке в общем историческом контексте вызывает сомнение. «Первые монастыри появляются в Киевской земле в XI веке; в первой половине XII века – на северо-западе Руси, в Новгороде» [1]. Остается и вопрос, почему именно 1147 год был выбран для указания времени прихода Герасима. В этом спорном моменте историкам и археологам еще предстоит разобраться. В то же время, остается неоспоримым фактом, что зарождение и формирование Вологды неотделимо от истории Великого Новгорода, который был в этот период одним из влиятельных городов средневековой Руси и всей Европы. «В это время Новгородские владения простирались до Северного Урала на востоке, Беломорья и Кольского полуострова на севере. Вологда была одной из юго-восточных пограничных волостей этого крупнейшего европейского государства своего времени» [2].

Как раз, поэтому город был важен для новгородцев стратегически: они должны были держать под контролем юго-восточный рубеж, который, без сомнения, мог стать объектом посягательств со стороны других княжеств. Кроме того, густые леса и болота, окружавшие будущий город, делали эту местность малодоступной, обеспечивая ее обитателям безопасность от врагов, а обильные рыбой реки и почти не тронутые рукой человека лесные пространства давали достаточно средств для жизни. Особую нужду в подобном укромном месте чувствовало население Верхнего Поволжья после ужасов татарского погрома. Именно в эти края, о которых уже знали новгородцы, и направились тогда переселенцы с южных окраин новгородской земли (Волока Ламского, Бежецкого края и др.). На берегах р. Вологды возникло несколько поселков, которые и составили волость Вологду, упоминавшуюся в новгородских договорных грамотах [3].

Так, в договорной грамоте Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем, датированной 1264 годом перечисляются все его владения: «А се волости новгородские: Бежиче, Городецъ, М[еле]чя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости държати мужи новгородскими; а дарь от нихъ имати» [5]. А в грамоте от 1264 года мы можем заметить, что некоторые города убыли из перечня, а некоторые прибавились, но неизменно то, что в списке принадлежащих в Новгороду земель фигурировала Вологда: «А се, княже, воло[с]ти новгородские: Волокъ съ всеми волость[м]и, Тържькъ, Бежицѣ, Городьцѣ Палиць, а то есме дали Иванкови, потомъ Мелѣчя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра» [6]. Таким образом, Вологодский край (в границах рассматриваемого периода) непосредственно

относился к Великому Новгороду и являлся его землей – волостью. Аналогичные упоминания Вологды в грамотах встречаются на протяжении двух столетий еще десять раз, вплоть до 1456 года. Стабильность принадлежности Вологды Новгороду, впрочем, кажущаяся: сам факт периодического составления договорных грамот свидетельствует, что судьба города каждый раз была предметом далеко непростых переговоров. Несмотря на обилие в тексте грамот «верноподданнических» по отношению к князю заявлений новгородцев, в борьбе за стратегически важный пункт обе договаривающиеся стороны пускали в ход все средства [2].

Как показывает анализ летописных и иных источников, соперничество Москвы и Новгорода за владение не только Вологдой, но и другими территориями Севера Руси, происходило в активном столкновении принципиально различных стратегий освоения природного и социального пространства. В то время как Новгород двигался в фарватере предпринимательско-миссионерской модели, предполагающей инициативность и ее духовный патронат, Москва избрала стратегию насильственного собирания земель вокруг себя, опирающуюся на военную силу и просматривающиеся уже в тот период, великодержавные амбиции московских князей. И если новгородская материнская модель предполагала открытие, освоение и относительно самостоятельное развитие новых территорий, осеменяемых «светом» Святой Софии. То московский патриархальный формат социальных отношений опирался на подкупы, заговоры, провоцирование междоусобиц, в ходе которых побеждавшая, в той или иной земле, партия получала финансовую, военную и духовную поддержку московских великих князей, что, в конечном итоге, облегчало окончательное присоединение этих территорий к Москве.

Таким образом, идеологема Святой Софии была к XV веку силой «вытеснена» из пространства социально-политических и духовно-религиозных отношений Средневековой Руси и заменена тринитарной мифологией, трансформировавшей византийский догмат о Троице сначала в формулу старца псковского Елеазарова монастыря Филофея: «Москва – Третий Рим», а затем и в концепт министра народного просвещения С.Уварова «Православие. Самодержавие. Народность».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Материнский» Новгород и «отцовская» Москва: драма софийного и имперского начал в русской ментальности», № 16-13-53001.

Список литературы

1. Башенькин А., Кукушкин И. Вологда. Историко-краеведческий альманах [Электронный ресурс]. Вып. 1. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/1vo/log/da/index.htm>. (дата обращения 21.02.17).
2. Вологда в минувшем тысячелетии /Под ред. Ю. Некрасова. – Вологда: Древности Севера. – 2007. – С. 33–34.

3. Вологда, XII – начало XX века: краевед. словарь /Ф. Коновалов, Л. Панов, Н. Уваров. – Архангельск: Сев.- Зап. кн. изд-во, – 1993. – С.24.

4. Дмитриев Л. Житие Герасима Вологодского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Ленинград, 1988. – С. 251–252.

5. Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем (1264 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/1260-1280/Gramoty_otn_Novgoroda_knjaz/1-20/1.htm. (дата обращения 10.02.17).

6. Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем (1266 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/1260-1280/Gramoty_otn_Novgoroda_knjaz/1-20/2.htm. (дата обращения 10.02.17).

7. Тарунин А. Вологда языческая [Электронный ресурс] // Русский Север. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/ancient/history/5.htm>. (дата обращения 25.02.17).

К ВОПРОСУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Агамиров К.В.

Москва, e-mail: agamirow@yandex.ru

*Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.*

Эти строки Михаила Ломоносова из «Оды на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны», написанной в далеком 1747 году, как никогда актуальны в наши дни информационного общества, ставящего во главу угла культурный капитал. Доминирующая роль науки, знаний и их носителей в корне меняет социальную действительность, умножая многообразие моделей общественного развития.

В настоящей работе автор поднимает тему законодательного обеспечения научной деятельности, от которого зависит нормальное функционирование и развитие науки как важнейшего социального института.

Часть 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации гарантирует в числе других свобод свободу научного творчества. В этой связи на повестке дня стоит вопрос организации управления наукой, так как отношения в области научного творчества составляют предмет законодательного регулирования. Сейчас эту сферу регламентируют два нормативных правовых акта – Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»¹ и Федеральный закон «О Российской академии

¹См.: О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23 августа 1996 г. N 127-ФЗ. – <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=172547>; <http://минобрнауки.рф/документы/817/файл/2369/96.08.23-127.pdf>.

наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»².

Оба этих закона научное сообщество считает малоэффективными, полагая, что переход в рамках реформирования Российской академии наук научных институтов в ведение образованного Федерального агентства научных организаций (ФАНО) и перевод финансирования науки на грантовую систему при резком сокращении федеральных программ отрицательно скажется на материальном положении ученых и качестве научно-исследовательской работы [7]. Член-корреспондент РАН А.В. Яблоков, являвшийся в течение многих лет советником Российской академии наук, среди первоочередных мер выделял отказ от вертикального управления наукой. По его мнению, необходимо вернуть самостоятельность президента академии наук, академических институтов, ликвидировать бюрократическую структуру в лице ФАНО, которое может стать хозяйственным отделом РАН, и пр. [8].

Впрочем, необходимость обновления законодательства о науке понимают и в Министерстве образования и науки. Так, на восьмом заседании Совета по науке при Министерстве образования и науки (17 июня 2014 г.) было отмечено, что в действующем законодательстве не урегулированы важные проблемы научной деятельности. Новый закон о науке, подчеркивалось на заседании Совета, призван:

– четко определить правовой статус научных работников, вменить в обязанность научных организаций создание полноценных условий для творческой научной деятельности коллективов ученых, выполняющих исследования и разработки в этих организациях;

– отразить специфику научной деятельности, отличающую ее от деятельности других работников бюджетной сферы, как-то: невозможность подробного планирования научных результатов, отсутствие гарантии успеха фундаментальных исследований, нецелесообразность жесткой привязки работы к конкретному месту и времени;

– урегулировать проблемы правового статуса преподавателей высших учебных заведений, ведущих научную работу;

– внести ясность во взаимоотношения организаций, занимающихся научной деятельностью и находящихся в ведении различных органов исполнительной власти, в части совместного использования площадей, оборудования, кадровых ресурсов;

– установить порядок софинансирования научных исследований, так как в условиях

²См.: О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 сентября 2013 г. N 253-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск № 6194. 30.09.2013. – <http://www.rg.ru/2013/09/27/ran-site-dok.html>; <http://base.garant.ru/70460112/#help>.